

Научная статья
УДК 94(47).084.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-55-65>

«КАЖДУЮ НОЧЬ НАДО БЫЛО ИДТИ К ТРЕМ СЛЕДОВАТЕЛЯМ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ...»: МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ФИЛЬТРАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН 1941 – 1953 ГГ.

**Никита Сергеевич
Курганов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, nkurganov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности воспоминаний о фильтрации советских граждан с 1941 по 1953 гг. как исторического источника и репрезентация процесса проверки в зависимости от времени и обстоятельств их появления. Выявлены основные черты мемуаров и интервью, записанных и опубликованных в различные периоды отечественной истории, а также характеристики их авторов в зависимости от персональной судьбы, политических убеждений и возраста. Проанализированы взаимоотношения между вернувшимися из немецкой неволи советскими гражданами между собой в зависимости от судьбы во время пребывания на территории противника, служащими лагерей, а также с простыми советскими гражданами. Определены важнейшие ситуации и события, повлиявшие как на жизнь репатриантов непосредственно во время пребывания в фильтрационных учреждениях, так и в последующие периоды, среди которых имидж спецслужб, основанный на методах ведения допроса (который мог включать в себя психологическое и даже физическое насилие, пытки) и жесткости режима содержания, различные слухи, бытовые условия, досуг (организованные как самим контингентом во время проверки, так и представителями советской администрации), формы труда и профессии советских граждан во время проверки, признание заслуг в ходе Великой Отечественной войны. Выявлены характерные устроения и мнения как репатриантов различных категорий, так и некоторых сотрудников спецслужб, занимавшихся фильтрацией. Сделан вывод, что воспоминания являются важным источником о процессе фильтрации, вследствие включения важных компонентов, составляющих повседневность прохождения государственной проверки, но, по различным причинам, отсутствующим в делопроизводственной документации.

Ключевые слова: государственная проверка, Великая Отечественная война, военнопленные, коллаборационизм, репатриация.

Для цитирования: Курганов Н. С. «Каждую ночь надо было идти к трем следователям по отдельности...»: мемуарные источники о фильтрации советских граждан 1941 – 1953 гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 55–65. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-55-65>.

Сведения об авторе: Н. С. Курганов – студент факультета истории и права, Тульский государственный педагогический университет, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.



Scientific Article
UDC 94(47).084.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-55-65>

“EVERY NIGHT I HAD TO GO TO THREE INVESTIGATORS SEPARATELY...”: MEMOIRS ABOUT THE FILTRATION OF SOVIET CITIZENS IN 1941 – 1953

Nikita S. Kurganov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, nkurganov@mail.ru

Abstract. The article deals with the features of memories of the filtration of Soviet citizens during the period of 1941 till 1953 as a historical source and a representation of the verification process depending on the time and circumstances of their appearance. The article reveals the main features of memoirs and interviews recorded and published in different periods of Russian history, as well as the characteristics of their authors depending on personal fate, political beliefs and age. The article analyzes the relationship between Soviet citizens who returned from German captivity, depending on the fate during their stay in the territory of the opponents, between themselves, with the employees of the camps, as well as with the ordinary Soviet citizens. The author identifies the most important situations and events that influenced both the lives of repatriates directly during their stay in filtration institutions and in subsequent periods. They include the image of the special services based on the methods of interrogation (which could include psychological and even physical violence, torture) and the rigidity of the detention regime, various rumors, living conditions, leisure (organized both by the contingent during the check and by the representatives of the Soviet administration), forms of work and professions of Soviet citizens during the check, recognition of merits during the Great Patriotic War. The work reveals characteristic mindsets and opinions of both repatriates of various categories, as well as some employees of the special services involved in filtering. The author concludes that memories are an important source of information about the filtering process. They include the important components that make up the daily routine of passing the state screening, but for various reasons, that are missing from the clerical documentation.

Keywords: state screening, the Great Patriotic War, prisoners of war, collaborationism, repatriation.

For citation: Kurganov, NS 2022, “Every night I had to go to three investigators separately...”: memoirs about the filtration of Soviet citizens in 1941 – 1953’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 55–65, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-55-65>. (in Russ.)

Information about the Author: *Nikita S. Kurganov* – Student of the Faculty of Russian Philology and Documentary, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Актуальность исследования определяется высоким интересом исследователей и любителей истории Великой Отечественной войны к судьбам советских военнослужащих, побывавших в плену или в окружении, а также репатриантов из числа гражданских лиц после освобождения и возвращения на подконтрольную Советскому Союзу во время прохождения государственной проверки (фильтрации) с целью выявления и последующих изоляции и наказания шпионов (завербованных как нацистами, так и западными союзниками), дезертиров, военных преступников, коллаборационистов, а также тех, чье мировоззрение и политические взгляды в результате жизни без бдительного контроля со стороны политических и контрразведывательных органов изменились [1, с. 207].

Важным историческим источником о процессе фильтрации являются воспоминания тех, кто проходил проверку, а также персонала лагерей. Изучение мемуаров дает возможность рассмотреть события и явления, которые могли быть зачастую не отражены в документации: взаимоотношения со следователями и другими репатриантами, применяемые методы допроса, условия труда и жизни, в том числе практики для обеспечения благосостояния, досуг тех, кто оказался в таких лагерях, их подлинные умонастроения, отношение к происходящему, слухи, курсировавшие среди контингента, различные происшествия и ситуации.

Воспоминания являются крайне субъективным источником, мнение автора воспоминаний зачастую вытекает из личного опыта, включающего в себя как события, происходившие в течение всей жизни, так и непосредственно в процессе фильтрации. Трудности и лишения, плохие бытовые условия, негативное отношение со стороны отдельных чиновников и государства, а также репрессии, примененные к мемуаристу, его близким, а также тем, кого он уважал, в целом могли предопределить отрицательное отношение как к советскому государству и его отношению к репатриантам в общем, так и процессу фильтрации в частности.

Целью данной работы является выявление главных особенностей отражения процесса фильтрации в мемуарах и интервью, записанных и опубликованных в разные эпохи периоды отечественной истории, а также определение и анализ наиболее характерных для режима содержания контингента в ходе проверки черт, включающих в себя личное отношение к различным ситуациям и явлениям, происшествия, взаимоотношения, в том числе с сотрудниками спецслужб, методы ведения следствия, прохождения допросов, и иные компоненты, составляющих повседневность прохождения государственной проверки.

Метод

При достижении поставленной цели был использован историко-типологический метод, посредством которого выделен ряд однородных групп мемуарных источников в зависимости от места и времени появления, а также судьбы и роли автора в процессе фильтрации. Для изучения особенностей повседневных практик государственной проверки выявлены различные виды событий, в которых могли оказаться репатрианты.

Был использован также историко-сравнительный метод, заключающийся в сопоставлении мнений, основанных на персональном опыте, различных людей в одинаковых ситуациях, возникавших в ходе процесса фильтрации, а также сравнений воспоминаний, записанные в различные периоды и, следовательно, мемуаристами в разном возрасте.

Применение историко-генетического метода обусловлено необходимостью рассмотрения истории появления и записи личных свидетельств о государственной проверке в различные исторические эпохи, начиная с послевоенного времени.

Анализ

В сталинский период публикация воспоминаний о государственной проверке была невозможна. Существовали попытки тщательного скрывания фактов массовой проверки репатриантов, а, следовательно, и важных деталей фильтрации, в том числе и произвола: проверявшихся заставляли давать подписку о неразглашении всего услышанного и увиденного [2, с. 268]. Опасаясь репрессий, бывшие пленные предпочитали молчать о своем жизненном пути.

Про свой опыт фильтрации могли рассказать бывшие военнопленные из числа эмигрантов-невозвращенцев. Например, некоторые перемещенные лица в ходе интервьюирования в рамках Гарвардского проекта по советской социальной системе сообщали сведения о ходе государственной проверки, обращая внимание, прежде всего, на принуждение и жестокое отношение со стороны спецслужб. Особенностью данных сведений являются относительно молодой возраст участников событий, который предопределял насыщенность воспоминаний деталями, относительная близость к событиям, что способствовало отсутствию глубокой рефлексии, а также негативный опыт респондентов, что формировало, как правило, антисоветские взгляды.

В период «оттепели» появился ряд публикаций, косвенно поднимавших тему личного опыта репатриантов, прошедших фильтрацию, среди которых важное место занимала книга С. С. Смирнова «Брестская крепость». Тем не менее, государственной проверке практически не уделялось внимание, например, при составлявшемся по итогу непосредственных бесед описании судьбы Героя Советского Союза П. М. Гаврилова лишь коротко сказано об успешной проверке [3, с. 145]. При этом многие воспоминания не содержали в себе упоминания фильтрации вообще или же заканчивались на прибытии в СССР, так как проверка воспринималась цензорами как слишком негативное явление [4].

Лишь немногие воспоминания бывших узников нацизма, вышедшие в советские годы, включали какие-либо детальное описание фильтрации. Например, моряк-артиллерист А.Н. Белов, находившийся в плену с 1941 по 1944 год, оставил мемуары «Три года в лагерях смерти», вышедшие в 1961 году, где, в том числе, содержится описание фильтрации.

Некоторые ветераны описывали свой жизненный путь на бумаге, руководствуясь стремлением освободить память от тягостных воспоминаний, а также сохранить свою историю для самых близких людей, без расчета когда-либо опубликовать мемуары для широкой общественности. Например, В. Н. Вахромеев, бывший военнопленный, бежавший из немецкого лагеря в Швейцарию, а затем репатриированный в СССР, во время тяжелой болезни по совету жены стал записывать воспоминания в 1970-е годы [5, с. 7]. Особенностью данных воспоминаний является их насыщенность подробностями, а также попытка осмыслить произошедшее в тяжелый период жизни.

С конца 1980-х годов появилась возможность свободно обсуждать многие ранее табуированные темы, в том числе фильтрацию советских перемещенных лиц.

В современный период появилось большое количество публикаций воспоминаний прошедших фильтрацию, как в форме отдельных книг, так и записей интервью. Появились мемуары коллаборационистов, которые после государственной проверки, были либо сосланы, либо осуждены. Нетипичный взгляд на данные события, позволяющий понять мотивы, действия, а также трудности организации фильтрационных мероприятий, содержится в воспоминаниях служащих фильтрационных лагерей.

К сожалению, многие мемуары и интервью записывались в тот момент, когда участники событий были уже в преклонном возрасте, а потому, несмотря на возмож-

ность излагать действительно свободно, многие детали были забыты, а также последующие годы определили наличие анахронизмов и целого ряда фактических ошибок, неточностей.

В период войны условия боевых действий не всегда позволяли обеспечить проведение государственной проверки на должном качественном уровне. Например, будущий Герой Советского Союза С. М. Крамаренко после плена не столкнулся с сотрудниками спецслужб вообще [6, с. 13].

Боевые действия также могли способствовать не только безразличию, но и повышению уровня жестокости и произвола. Анонимный бывший военнопленный красноармеец, бежавший из лагеря и добравшийся до родного населенного пункта, вспоминал об избиениях после прихода Красной Армии [7, с. 45].

Перед началом государственной проверки настроения репатриантов, не имевших точных сведений о собственном будущем варьировались от уверенности и мечты скорее вернуться домой до полной неопределенности и даже опасений. Бывший военнопленный Ю. В. Владимиров вспоминал ощущение неуверенности и беспокойства за благополучное возвращение домой и дальнейшую жизнь [8, с. 436]. У В. Н. Вахромеева репатриация вызвала воодушевление и восторг [5, с. 217]. Были и те, кто в момент возвращения испытывал страх перед репрессиями и неприятием общества [9].

Беспокойство репатриантов о дальнейшей судьбе подогревалось оскорблениями и угрозами со стороны советских граждан. Ю. В. Владимиров вспоминал гневную реплику, услышанную от случайно советского военнослужащего: «...вы – сволочи! Отсиделись у немцев в плену, а мы кровь свою проливали! Вот вам покажут дома на лесоповалах Сибири и в рудниках, кто вы такие!». После этого, политработник разрядил обстановку [8, с. 438].

Особое волнение вызывало желание как можно быстрее увидится с родными. В ряде случаев была возможность написать письмо без указания обратного адреса. Зачастую же в условиях проверки не всегда можно было отправить даже весточку. В. Н. Вахромеев также вспоминал о том, что некоторые встречи с членами семьи могли проходить нелегально [5, с. 220].

Процесс фильтрации прежде всего опирался на допрос, который предполагал ответы на вопросы, четко зафиксированные в протоколах. Результатом такой проверки в случае компетентности сотрудников могли быть важные сведения о ситуации на территории противника в целом. А. Н. Белов вспоминал о ходе подобного детального допроса [10, с. 163–164].

Положительное мнение автора о деятельности проверяющих обусловлено как уважительным отношением, так и демонстрацией эффективности работы спецслужб, успешным прохождением фильтрации мемуаристом и его товарищами.

При тщательной проверке, осуществленной компетентными сотрудниками, могла быть восстановлена справедливость, а также появлялись условия для складывания положительного имиджа соответствующих органов. Герой Советского Союза летчик-штурмовик С. А. Купцов вспоминал с восхищением о работе спецслужб [11].

Исход фильтрации мог напрямую зависеть от личного отношения сотрудника, которое определялось его мировоззрением и характером. Казак-коллаборационист В. Г. Пивоваров вспоминал, что пройти первоначальную проверку относительно успешно ему помог неизвестный советский полковник, узнавший о месте рождения пособника, и, возможно, являвшийся его земляком. Офицер помог добыть гражданскую одежду и дал рекомендации, каким образом можно обмануть и разжалобить проверяющих: «Иду дальше, гляжу – за столом чекистня сидит. «Где служил?» «Да нигде не служил, в обозе я хны, хны, хны, да копал хны, хны, хны...» «А чего хромаешь?» «Да это американцы с самолёта хны, хны, хны». «А чего плаксивый такой?»».

Так ведь: «хны, хны, хны...» «Иди на ... отсюда!» И полковник тот, смотрю, тоже подходит: «А ну вали, пока палкой не схлопотал!» Спас он меня тогда» [11]. Проверка послевоенные годы позволила выяснить истинные обстоятельства службы В. Г. Пивоварова (непосредственное участие в боевых действиях, награды от нацистов), а потому было вынесено более суровое наказание.

В ходе следствия часто применялись самые жесткие методы допросов, когда проверяемым в том числе задавались вопросы, явно нарушавшие презумпцию невиновности, или даже применялось психологическое насилия, а также методы физического воздействия – пытки.

Во время проверки представители органов стремились лишить репатриантов комфорта, выбирая самое неудобное время для взаимодействия, требовали многократно повторять одни и те же сведения, стремясь найти противоречия в рассказе. Бывший военнопленный В. Н. Нестеров вспоминал: «Допросы вели только по ночам, и каждый раз разные следователи... Каждую ночь надо было идти к трем следователям по отдельности. Потом все трое суммируют, что этому сказал, что этому сказал, - и потом они уже "общий знаменатель" находят» [12]. Тем не менее, в данном случае наиболее вопиющие нарушения прав человека отсутствовали: «Нет, кулаком об стол не были. Если сравнить, как было в Германии, то это день и ночь. Может, тем, кто врал и "давали перца", не знаю. Мне было скрывать нечего, я сказал, как было дело, - и так до конца и лупил» [12].

Проверка могла быть тщательной и быть основана на анализе как показаний, так и различных документов. М. И. Лукинов вспоминал о таком подходе [13].

Бывший военнопленный летчик-штурмовик В.И. Беликин, вспоминая, возмущался провокационным вопросом: «У нас был «смерш». Отличный человек. Но и он тоже спрашивал: «Почему ты не застрелился?» А я ему говорю (я же его хорошо знал): «А чего ты такие глупые вопросы задаёшь? Я же всё-таки пользу принёс. А если бы я застрелился?! Вот у меня написано в моём офицерском личном деле в Министерстве обороны: сколько я после своего пленения уничтожил фашистов! Вот почему я не застрелился. Чтобы помочь своей Родине, где бы я ни находился» [14].

Предвзятое и негативное отношение, заключающееся в обесценивании действий, могло исходить и от тех, кто должен был вести агитационную работу, что вызывало возмущение. Вместе с тем репатрианты зачастую со смехом относились к громким заявлениям [13].

В ходе проверки презрительное отношение к репатриантам могло проявиться в отдельных, но показательных действиях сотрудников спецслужб. В. Н. Вахромеев вспоминал: «На прощание командир (французского) партизанского отряда передал нам красное знамя, отбитое у немцев в бою... Забегая вперед, хочу сказать, что я видел это знамя, постеленное на столе у следователя НКВД в Сталине на госпроверке. Как это было обидно! Сколько крови и жизней отдано за этот кусок бархата... А теперь оно служит скатертью какому-то безусому лейтенанту, не нюхавшему пороха» [5, с. 210].

Характерно, что риторика спецслужб во время фильтрации вызывала у бывших военнопленных, которые действительно участвовали в боевых действиях в тяжелейшие периоды войны, неприязнь и презрение, основанную на службе вдали от передовой тех, кто требовал исключительного самопожертвования.

Особое подозрение вызывали те, кто побывал под влиянием вооруженных сил или спецслужб западных стран. Существовали опасения, что такие репатрианты могут быть завербованы для вредительской деятельности, а также могли пропагандировать «американскую демократию» [1, с. 208]. Подобные подозрения, несмотря на негативное отношение к жестокостям и несправедливостям проверки, высказал в своих воспоминаниях сотрудник фильтрационного лагеря Ю. Р. Пореш [16].

В. Н. Вахромеев, находившийся в Швейцарии после побега из нацистского лагеря, вспоминал особое подозрение к нему в связи с этим, а также незнание сотрудниками спецслужб о статусе и географическом положении данной страны [5, с. 219].

Ю. Р. Пореш вспоминал о некоторых категориях проверяемых, которые подвергались явной дискриминации вследствие недоверия к ним. Среди этих людей были герои французского Сопротивления из числа бежавший советских военнопленных, а также чудом уцелевшие евреи. В конечном счете, это вызвало неприязнь к фильтрационным мероприятиям и желанием скорее покинуть данную службу [16].

Бывший боец партизанского отряда «Красный Сталинград», действовавшего в Аджимушкайских каменоломнях Д. С. Блохин вспоминал о пытках, которые применялись к нему с целью выбить признание в сотрудничестве с нацистами [16].

Побои применялись и в качестве наказания, о чем вспоминал М. И. Лукинов [15].

Одним из последствий ведения проверки репатриантов провокационными методами в свою очередь являлись самые разнообразные негативные слухи о политике советской власти, которые курсировали затем долгие годы. Н. Ф. Нестеров вспоминал: «Мы тоже по-сталински назывались изменниками Родины. Сталин сказал: "У меня нет пленных, у меня есть только изменники Родины"» [13]. Д. С. Блохин после реабилитации также пытался выяснить истоки жестокого отношения, а потому собирал любые сведения, в том числе и слухи [16].

Режим содержания во время фильтрации в воинских подразделениях отличался жесткой дисциплиной, а также дополнительными мерами по наблюдению, с целью не допустить самовольного ухода. Ю. В. Владимиров вспоминал о суровом режиме в течение всего дня [8, с. 436].

Казарменная жизнь отличалась скукой и рутинной. Ю. В. Владимиров вспоминал об однообразии, вгонявшем в уныние, изо дня в день [8, с. 433]. В. Н. Вахромеев также страдал от тоски [5, с. 219].

В ПФЛ условия содержания были близки к местам заключения или лагерям военнопленных, что возмущало В. Н. Вахромеева [5, с. 218].

Лагерный режим, колючая проволока, конвоиры с собаками вызывали у бывших военнопленных ощущение, что они снова оказались узниками. В. Н. Вахромеев вспоминал о своих ощущениях: «Мы поняли, что, вернувшись домой, здесь вновь стали арестантами» [5, с. 218].

В фильтрационных лагерях военнопленные, сохранившие верности присяге, и коллаборационисты, в том числе носители антисоветских взглядов содержались вместе. В таких условиях были неизбежны конфликты. В. Н. Вахромеев вспоминал о столкновениях с украинскими националистами [5, с. 219].

Вместе с тем, поведение репатриантов также отличалось высоким уровнем реактивности, которая ярче всего проявлялась в зачастую необдуманном использовании стрелкового оружия. Вероятность подобных действий вызывала у сотрудников фильтрационных лагерей серьезные опасения [16]. Репатриант В. Н. Вахромеев также вспоминал об использовании оружия в состоянии эйфории во время возвращения [5, с. 217]. В конечном счете, репатрианты были разоружены практически сразу же после прибытия.

Сотрудники спецслужб также стремились не допустить того, чтобы с территории других стран были привезены различные объекты, бытование которых в СССР было под запретом, например, порнографические открытки [18].

Существование в период проверки, когда многие репатрианты сталкивались со страхом неопределенности, требовало с целью поддержания порядка и пресечения какого-либо протеста определенного преодоления путем организации досуга и веде-

ния культмассовой работы. Ярким проявлением этого стала самодеятельность, в частности театральные постановки и художественное чтение. О курьезном случае, который также свидетельствует о недоверии к репатриантам, вспоминал Н. Ф. Нестеров: «Был такой момент: я играл роль немецкого офицера, потому что я мог делать акцент, - я ведь фактически не чисто русский. И старший политрук, который заведовал культмассовой работой, дал мне свой пистолет. А комиссар лагеря сидел во втором ряду, у самой сцены. Он смотрит, что у меня настоящий наган в руках, – и вот он с места со скакивает, прыгает на сцену, хватает меня за руку и отбирает наган. "Продолжайте дальше!" Постановка шла дальше, - но этот наган он у меня отобрал, а политрука сняли с работы» [13].

Были распространены, особенно еще на территории Европы, и самостоятельно организованные развлечения, такие как демонстрация простых фокусов [15].

При скоплении людей, которым являлись фильтрационные лагеря и специальные воинские подразделения, а также при перемещении репатриантов особое значение приобретали вопросы гигиены с целью профилактики различных заболеваний, прежде всего, вшей. Ю. В. Владимиров вспоминал об установленных условиях: «В конце коридора находились умывальник с действующим водопроводом и туалетная комната... Один раз нам дали помыться в душе и устроили прожарку одежды от вшей» [8, с. 252].

Воспоминания содержат ценные сведения о блюдах, составлявших питание, и отношении к имеющемуся рациону со стороны репатриантов. Несмотря на явную скудность и однообразие пищи, бывшие военнопленные, прошедшие голод в нацистских лагерях, были рады и этому [13]. Тем не менее, многие репатрианты находились в состоянии дискомфорта вследствие недоедания и даже голода, что отметил в воспоминаниях Ю. В. Владимиров [8, с. 445].

Для удовлетворения потребности в курении выдавали махорку, но бумагу приходилось как-либо образом добывать [8, с. 436].

Репатрианты в период фильтрации приняли участие в восстановлении страны после войны, являясь по существу бесплатной или дешевой рабочей силой на самых тяжелых работах таких как, например, строительство, добыча угля в шахтах, разгрузка кораблей. Государство было крайне заинтересовано в рабочих руках в условиях разрухи, причем, чтобы повысить производительность труда, было готово к материальному стимулированию, которое, однако, могло насаждаться посредством принуждения. Шофер при советской миссии в Италии Н. Воронов вспоминал, что даже бывшим коллаборационистам сначала добровольно предлагали подписать многолетний контракт для отправки на работу на Урал, а в случае отказа жестоко избивали [7, с. 252]. Нахождение под подозрением определяло принудительный характер труда. Работать приходилось с огромными затратами сил, а также с нарушением техники безопасности, о чем вспоминал М. И. Лукинов [15].

Заключение

Воспоминания репатриантов, а также тех, кто проходил службу в учреждениях для проверки, являются важным источником о процессе фильтрации.

Главными особенностями отражения процесса фильтрации в мемуарах и интервью является высокий уровень субъективности, обусловленный личным опытом, который определял дальнейшую судьбу, возраст мемуариста на момент написания воспоминаний, а также обстоятельства записи: мотивы автора, господствующие в обществе политические веяния, влияющие на содержание.

Воспоминания также содержат ценные сведения о личном мироощущении в различных ситуациях и явлениях, а также описания происшествий, взаимоотношений, в том

числе с сотрудниками спецслужб, методах ведения следствия, прежде всего применение физического насилия, прохождения допросов, и иных компонентов, составляющих повседневность государственной проверки.

Список источников и литературы

1. *Земсков В. Н.* Сталин и народ: почему не было восстания. М.: Родина, 2018. 240 с.
2. *Бичехвост А. Ф.* К истории создания специальных и проверочно-фильтрационных лагерей для советских военнопленных и организации в них «государственной проверки» // История пенитенциарной системы в России в 20 веке : сб. матер. междунар. науч. сем. Вологда: Вологод. ин-т права и экономики, 2007. С. 255–277.
3. *Смирнов С. С.* Брестская крепость. М.: Дет. лит., 1969. 384 с.
4. *Литвиненко С. Н.* Завещаю непримиримость: (Свидетельство человека, пережившего свою смерть) / лит. запись И. Минутко. Тула: Приок. кн. изд-во, 1965. 48 с.
5. *Вахромеев В. Н.* Выжить и вернуться : одиссея советского военнопленного, 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2011. 223 с. (На линии фронта. Правда о войне).
6. *Зиновьев М. В.* Последние Герои о войне. Т. 2. М.: Гласность, 2020. 408 с.: ил.
7. *Гарвардский проект : рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне* / сост., общ. ред. и вступ. ст. О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. М.: Полит. энцикл., 2019. 493 с.
8. *Владимиров Ю. В.* Как я был в немецком плену. М.: Вече, 2007. 480 с.
9. «58-я. Неизъятые» Лев Нетто. Книжка с адресами восставших / Елена Рачева, Анна Артемьева // Новая газета : офиц. сайт. 2011. 16 нояб. (№ 128). URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2011/11/16/46808-171-58-ya-neiz-yatoe-187-lev-netto-knizhka-s-adresami-vocstavshih> (дата обращения: 04.03.2022).
10. *Белов А. Н.* Три года в лагерях смерти. Тула: Тул. кн. из-во, 1963. 168 с.
11. *Летчики-штурмовики: Купцов Сергей Андреевич* / интервью и лит. обработка А. Драбкин // Я помню : интернет-проект : [воспоминания и интервью с ветеранами и участниками Великой Отечественной войны] / гл. ред. Артем Драбкин ; Фонд сохранения исторической памяти «Я помню». Дата публикации: 26.03.2011. URL: <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/kuptsov-sergey-andreevich/> (дата обращения: 04.03.2022).
12. *Рассказ старого казака Василия Григорьевича Пивоварова* // КИАЦ : Межрегиональная общественная организация «Объединенная редакция казачьих средств массовой информации «Казачий Информационно-Аналитический Центр» : офиц. сайт. Дата публикации: 17.06.2013. URL: https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/zarubezhnoe_kazachestvo/rasskaz_starogo_kazaka_vasilija_grigorevicha_pivovarova/154-1-0-710 (дата обращения: 04.03.2022).
13. *Гражданские: Нестеров Николай Федорович* / интервью А. Драбкин; лит. обработка С. Анисимов // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 21.02.2007. URL: <https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/nesterov-nikolay-fedorovich> (дата обращения: 04.03.2022).
14. *Летчики-штурмовики: Беликин Валентин Иванович* / интервью Н. Аничкин; лит. обработка А. Рыков // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 04.12.2017. URL: <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/belikin-valentin-ivanovich/> (дата обращения: 04.03.2022).
15. *Артиллеристы: Лукинов Михаил Иванович* // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 22.07.2006. URL: <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/lukinov-mikhail-ivanovich/> (дата обращения: 04.03.2022).
16. *Пехотинцы: Пореш Юрий Рейгольдович* / интервью и лит. обработка М. Свиреденков // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 20.10.2006. URL: <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/poresh-uriy-reyngoldovich/> (дата обращения: 04.03.2022).

17. Блохин Дмитрий Савельевич : [воспоминания о Великой Отечественной войне] // Керчь – это мой город : интернет-проект. Дата публикации: 27.05.2003. URL: <https://kerch.com.ua/articleview.aspx?id=942> (дата обращения: 04.03.2022).
18. Артиллеристы: Рутштейн Константин Абрамович / интервью и лит. обработка Г. Койфман // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 20.10.2013. URL: <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/rutshteyn-konstantin-abramovich/> (дата обращения: 04.03.2022).

References

1. Zemskov, VN 2018, *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya* (Stalin and the people: why there was no uprising), Rodina publ., Moscow. (In Russ.)
2. Bichekhvost, AF 2007, 'K istorii sozdaniya spetsial'nykh i proverchno-fil'tratsionnykh lagerey dlya sovetskikh voyennoplennykh i organizatsii v nikh «gosudarstvennoy proverki»' (On the history of the creation of special, screening and filtration camps for Soviet prisoners of war and the organization of "state screening" in them), *Istoriya penitentsiarnoy sistemy v Rossii v 20 veke : sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* (History of the penitentiary system in Russia in the 20th century: collection of materials of the international scientific seminar), RIO Vologodskogo instituta prava i ekonomiki publ., Vologda, pp. 255–277. (In Russ.)
3. Smirnov, SS 1969, *Brestskaya krepost'* (Brest Fortress), Detskaya literature publ., Moscow. (In Russ.)
4. Litvinenko, SN & Minutko, I (ed.) 1965, *Zaveshchayu neprimirimost': (Svidetel'stvo che-loveka, perezhivshogo svoyu smert')* (I bequeath no reconciliation (Testimony of a survivor)), Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., Tula. (In Russ.)
5. Vakhromeev, VN 2011, *Vyzhit' i vernut'sya : odisseya sovetskogo voyennoplennogo, 1941-1945* (Survive and Return: The Odyssey of a Soviet Prisoner of War, 1941-1945), Tsentrpoligraf publ., Moscow. (In Russ.)
6. Zinov'yev, MV 2020, *Posledniye Geroi o voyne* (The last Heroes telling about the war), vol. 2, Glasnost' publ., Moscow. (In Russ.)
7. Budnitskiy, OV & Novikova, LG (eds.) 2019, *Garvardskiy proyekt: rassekrechennyye svi-detel'stva o Velikoy Otechestvennoy voyne* (Harvard Project: Declassified Evidence of the Great Patriotic War), Politicheskaya entsiklopediya publ., Moscow. (In Russ.)
8. Vladimirov, YuV 2007, *Kak ya byl v nemetskom plenu* (I was in German captivity), Veche publ., Moscow. (In Russ.)
9. Racheva, E & Artem'yeva, A 2011, '«58-ya. Neiz'yatoye» Lev Netto. Knizhka s adresami voss-tavshikh' ("58th. Unseized" Lev Netto. Book with the addresses of the rebels), *Novaya gazeta*, no. 128, 16 November, viewed 04 March 2022, <https://novayagazeta.ru/articles/2011/11/16/46808-171-58-ya-neiz-yatoye-187-lev-netto-knizhka-s-adresami-vocstavshih>. (In Russ.)
10. Belov, AN 1963, *Tri goda v lageryakh smerti* (Three years in the death camps), Tul'skoye knizhnoye izdatel'stvo publ., Tula. (In Russ.)
11. Drabkin, A (ed.) 2011, 'Letchiki-shturmoviki: Kuptsov Sergey Andreevich' (Fighter pilots: Kuptsov Sergey Andreevich), *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veter-anami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 26 March, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/kuptsov-sergey-andreevich/>. (In Russ.)
12. 'Rasskaz starogo kazaka Vasiliya Grigor'yevicha Pivovarova' (The story of the old Cossack Vasily Grigorievich Pivovarov) 2013, *Ob'yedinennaya redaktsiya kazach'ikh sredstv massovoy informatsii «Kazachiy Informatsionno-Analiticheskiy Tsentr»* (Joint Edition of the Cossack Mass Media "Cossack Information and Analytical Center"), 17 June, viewed 04 March 2022, https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/zarubezhnoe_kazachestvo/ras-skaz_starogo_kazaka_vasilija_grigorevicha_pivovarova/154-1-0-710. (In Russ.)

13. Anisimov, S 2007, 'Grazhdanskiye: Nesterov Nikolay Fedorovich' (Civilians: Nesterov Nikolay Fedorovich) Interview by A. Drabkin for *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 21 February, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskiye/nesterov-nikolay-fedorovich> (In Russ.)
14. Rykov, A 2017, 'Letchiki-shturmoviki: Belikin Valentin Ivanovich' (Fighter pilots: Velikin Valentin Ivanovich) Interview by N. Anichkin for *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 04 December, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/belikin-valentin-ivanovich/>. (In Russ.)
15. Artilleristy: Lukinov Mikhail Ivanovich (Artillerymen: Lukinov Mikhail Ivanovich) 2006, *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 22 June, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/lukinov-mikhail-ivanovich/>. (In Russ.)
16. Sviredenkov, M (ed.) 2006, 'Pekhotintsy: Poresh Yuriy Reygol'dovich' (Infantrymen: Poresh Yuri Reogoldovich), *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 20 October, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/poresh-uriy-reyngoldovich/>. (In Russ.)
17. Blokhin Dmitriy Savel'yevich : vospominaniya o Velikoy Otechestvennoy voyne (Blokhin Dmitry Savelyevich: memories of the Great Patriotic War) 2003, *Kerch' – eto moy gorod : internet-proyekt* (Kerch is my city : internet project), 27 May, viewed 04 March 2022, <https://kerch.com.ua/articleview.aspx?id=942>. (In Russ.)
18. Koifman, G (ed.) 2013, 'Artilleristy: Rutshteyn Konstantin Abramovich (Artillerymen: Rutshtein Konstantin Abramovich)' Interview by G. Koifman for *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 20 October, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/rutshteyn-konstantin-abramovich/>. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.03.2022
Одобрена после рецензирования: 23.03.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 15.03.2022
Approved after reviewing: 23.03.2022
Accepted for publication: 25.03.2022